

≈ 49 мин

Оглавление [скрыть](#)

1. Виктор Кин
2. «По ту сторону»
3. От автора

С недавнего времени на Lenin Crew публикуются различные обзоры: статистики от Радайкина, публицистики от Руденко, философии от Голобиани, новостей из КНР от Викулина и просто новостей от Матиевского. Сюда же добавляется взятый курс на революционную культуру: о кино нам рассказывает товарищ Сарматов, а о музыке — Лоскутов. Чего-то не хватает, не правда ли? Верно, художественной литературы! И поэтому Lenin Crew представляет вам новую серию обзоров художественных произведений на революционную и околореволюционную тематики. Основное внимание будет сосредоточено на малоизвестных широкому кругу читателей книгах 20-30-х годов прошлого века, написанных в СССР, но не обойдём стороной и другие временные периоды и страны. И помните: только реализм, только хардкор.

ВИКТОР КИН

Виктор Павлович Кин (настоящая фамилия Суровикин) родился 1 (14) января 1903 года в городе Борисоглебск Воронежской области. Семья его жила более, чем сносно: отец принадлежал к прослойке хорошо оплачиваемых рабочих, был машинистом паровоза, благодаря чему они имели собственный дом, могли позволить себе нанимать няню и дать гимназическое образование сыну.

После Октябрьской революции в 1918 году Виктор с другими молодыми людьми организовал в своей гимназии комсомольскую ячейку, чтобы вести

агитационную и воспитательную работу среди местной молодёжи. В этот период заканчивается его школьная жизнь, он активно участвует в борьбе за власть Советов: вступает в боевую рабочую дружину, неоднократно уходит в подполье, когда власть в городе переходит к белым, и занимается пропагандой среди местного населения. В конце 1919 — начале 1920 года успевает поработать в большевистской газете «Коммунист», где приобретает любовь к журналистике и опыт литературной работы.

Летом 1920 года Кин вступает в ряды Красной армии и отправляется на польский фронт. В перерывах между боями становится членом партии и в свои 17 лет принимает на себя обязанности политрука. Вернувшись ненадолго домой, участвует в разгроме эсеровских банд Антонова. В 1921 году его посылают работать в московский отдел печати ЦК РКСМ, но работает он там недолго и уже в 1922 году направляется в дальневосточную «одиссею», воспоминания о которой отразит в романе «По ту сторону».

Вернувшись к мирной жизни, Кин погружается в литературную работу в Свердловске, а потом переезжает в Москву, чтобы стать членом редакции и фельетонистом в газетах «Комсомольская правда» и «Правда». В 1928 году он выпускает роман «По ту сторону» и приобретает широкую славу, его книга впоследствии неоднократно ставилась во МХАТе и была экранизирована. В 1928—1930 годах Виктор Кин заканчивает Всесоюзный коммунистический институт журналистики и литературное отделение Института красной профессуры.

В 1931 году Виктор Павлович получил предложение стать корреспондентом

ТАСС в фашистской Италии, куда отправился вместе с женой и сыном. В 1933 году переведён в Париж, где открывает для себя уже другую сторону капиталистического общества — буржуазную демократию. В этих странах он знакомится с населением, политической жизнью, экономикой и, конечно же, культурой: музыкой, живописью, литературой и т. д. За границей он не переставал писать. Есть сведения, что он работал сразу над двумя романами: «Лилль» о Первой мировой войне и оставшимся без названия романом о газетчиках 1920-х. Рукописи обоих произведений утеряны.

В 1936 году Кин возвращается в СССР, становится редактором газеты на французском языке «Московские новости». В 1937 году его арестовывают. Расстрелян Виктор Кин в апреле 1938 года. Информации о его деле в открытом доступе практически нет, так что узнать о вменяемых ему обвинениях мы не можем. В последующие годы его произведения изымаются из библиотек, постановки в театрах прекращаются, а на упоминание писателя налагается негласный запрет. Жену Виктора Кина — Цецилию Кин арестовали вместе с мужем, и следующие 17 лет она провела в лагерях и ссылках. В 1955 году её реабилитируют и она вернётся в Москву, где добьётся того же для своего мужа, сняв с его имени пелену забвения.

Из этого краткого жизнеописания уже можно сделать некоторые выводы. Виктор Кин вырос в благополучной семье, получил хорошее первоначальное образование и воспитание. Пускай он и родился в семье рабочего аристократа того времени, но это не отделило его непреодолимой стеной от эксплуатируемых масс, а просто создало более благоприятные условия для развития, результаты которого он продемонстрировал в революционной

ситуации. Позволю напомнить читателю, что в Российской империи социальных лифтов как таковых не было, поэтому умные и талантливые люди, наподобие Виктора Кина, были обречены оставаться в той социальной прослойке, в которой родились, или перейти в параллельную, примерно такую же по значимости. Подавляющее большинство юношей и девушек, которые участвовали в борьбе за власть Советов, не имели будущего, им не было применения в царской России, они были обречены вести то же существование, что и их родители. Социальные потрясения, произошедшие в 1917 году, мобилизовали их, раскрыли копившийся потенциал и впоследствии дали массу возможностей к развитию. По этой и другим причинам Виктор Кин принял активное участие в борьбе рабочих и крестьян за новое общественное устройство, пройдя через десятки испытаний, в которых не раз рисковал своей головой. По окончании Гражданской войны Кин нашёл себя на литературном поприще, где добился немалых успехов и заслужил любовь читателя, а также доверие руководства страны, которое отправило его за границу.

Однако времена поменялись, противоречия внутри первого социалистического государства проявились во всплеске широкомасштабных политических репрессий, под которые попали многие видные деятели первой волны «комсы». Не стал исключением и Виктор Кин. Революция пожирает своих детей. Но что представляли собой эти «дети»?

«ПО ТУ СТОРОНУ»

Сюжет романа «По ту сторону» можно условно разбить на три части: путешествие по Дальневосточной республике от Читы до Хабаровска, жизнь и работа в Хабаровске и вплетённые воспоминания о прошлом. Виктор Кин

начинает повествование с зарисовки обыденной ситуации в путешествии по железной дороге и через эту зарисовку знакомит нас с двумя молодыми коммунистами в возрасте около двадцати лет: Матвеевым и Безайсом. Они маются от безделья в вагоне по пути в Хабаровск, чтобы оттуда, согласно партийному заданию, перебраться в тыл к противнику и установить связь с местным подпольным комитетом партии.

До революции Матвеев и Безайс были простыми юношами, которые жили самой обыкновенной жизнью того времени. Отец Матвеева *«работал в мастерских на своей собачьей работе, которая выжимает человека, как мокрое бельё»* и *«после получки пьяный приходил домой»*. Матвеев вспоминает, *«как выдрали его в первый раз и, рычащего, бросили в угол на кучу стружек»*, *«как споили его пьяные мастера, бросили вечером посреди улицы, и собаки лизали ему лицо и руки»*. Революционная стихия преобразила этого мальчика, раскрыла в нём те качества, которые ранее не могли проявиться. Его родители, задавленные жизнью, тоже изменились и с течением времени их отношение к сыну поменялось:

«На каждом митинге, где он выступал, он видел отца в мешковатом праздничном пиджаке и мать в шали с цветами — они сидели смешные, торжественные, распираемые гордостью за своего необыкновенного, умного сына. <...> Мысль о сыне помогала им жить. Матвеев знал, что мать собирает черновики его тезисов и по вечерам за морковным чаем долго читает отцу о системе клубного воспитания или работе с допризывниками».

Безайс же предстает перед нами, как человек без прошлого, где «без» значит «как у всех». Автор не видит смысла раскрывать подробности прошлой жизни героя, так как она типична для того времени. Читатель 1920-х годов прекрасно помнил, какова была жизнь до революции и сами революционные события:

«Всё, что делалось вокруг него, он находил обычным. Очереди за хлебом, сыпной тиф, ночные патрули на улицах не поражали и не пугали его. Это было обычно, как день и ночь. Время до революции было для него мифом, Ветхим заветом, и к Николаю он относился, как к царю Навуходоносору, — мало ли чего не было! Это его не трогало. От прошлого в памяти остались лишь городской, стоявший напротив Волжско-Камского банка, и буква ять, терзавшая Безайса в городском училище.

И от бога, — от домашнего, бородатого бога, с которым было прожито четырнадцать лет, — он отказался легко, без всяких душевных потрясений. Не было ничего особенного, выходящего из ряда обыденности, — просто он решил, что бога не существует.

— Его нет, — сказал он, как сказал бы о вышедшем из комнаты человеке. Ему приходилось видеть страшные вещи, а он был всего только мальчик. Ночью в город пришли казаки и до рассвета убили триста человек. Утром он вышел с вёдрами за водой и увидел на телеграфном столбе расслабленные фигуры повешенных — верный признак, что в городе сменились власти. Когда белые ушли, мертвецов свозили на пожарный двор и складывали на землю рядами. Вместе с другими Безайс ходил на субботник укладывать их по двое в большие ящики и заколачивать крышки гвоздями. Сначала ему было не по себе среди покойников, но потом он оправился».

Безусловно, прошлое существовало для них, но оно было не тем прошлым, по которому стоит лить слезы. Исторический процесс включил юношей в своё движение и начал менять их сознание. Террор, развернувшийся перед ними, не оказался крупным потрясением, потому что они привыкли к бытовому насилию в семье, школе и на улице. У них не было «розовых очков», как у представителей мягкотелой интеллигенции и дворянства, знакомых со всем этим только по книжкам или посредством созерцания. Привыкшие, что всё достаётся с большим трудом, через жертвы с их стороны, они что есть мочи начали разбивать цепи, связывающие их по рукам и ногам. Кто хоть раз пытался самостоятельно снять верёвку с рук, прекрасно понимает эту метафору: каждое движение вызывает боль, процесс занимает довольно длительное время, а после высвобождения на руках остаются ссадины и гематомы.

Виктор Кин не просто так упоминает в данном отрывке бога, здесь в его творчестве проявляется исторический материализм в своём наиболее чистом виде. Бог — это всего лишь социально-историческая абстракция, причины веры в которую лежат в общественных отношениях, возникающих между людьми в процессе воспроизводства человеческой жизни. Мышление есть отражение общественного бытия в голове индивидов, и с изменением последнего меняется отражение. Горе тем, кто считает себя материалистом и не понимает этого. Маркс прекрасно осознавал это:

«Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального

процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определённая материальная основа общества или ряд определённых материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития»¹.

Кин тоже понимает это и демонстрирует в своей книге. Люди начинают брать жизнь в свои руки и планомерно изменять её вместе с остальными людьми. Они уничтожают старые общественные отношения, занимаются созданием новых. Их мышление начинает меняться и отбрасывать отжившие своё абстракции. Превратное осознание стихийно сложившихся правил, указывающих, как необходимо жить, уходит в прошлое. Теперь целые массы людей стараются самостоятельно, осознанно идти в новый мир и устанавливать новые правила, основываясь на объективно существующих исторических тенденциях.

Но не только Матвеева и Безайса меняет революционное время, оно меняет всех окружающих:

«Взять городишко Безайса — скверный, грязный, с бесконечными заборами, с церквами и Дворянской улицей. А ведь он кипел, — и каждая из его самых скверных улиц отмечена смертями и победами. На этой Дворянской, где раньше грызли семечки и продавали ириски, один парень из наробраза выпустил в белых шесть пуль, а седьмой убил себя. Безайс его знал, — он косил глазами и рассказывал глупейшие армянские анекдоты. Живи он в

другое время, из него вышел бы уездный хлыщ, а впоследствии степенный отец семейства. А в наше время он умер героем. Был и другой — заведующий музыкальным техникумом. Это был толстенный, добродушный человек в широких штанах. Он обучал в своём техникуме несколько девочек брэнчать на рояле „Чижика“ и называл это новым искусством. А когда брали город у белых, он отбил пулемёт и взял в плен троих. Никогда в жизни он не делал ничего подобного и после сам не мог понять, как это вышло.

И он много знал таких примеров, когда самые обыкновенные, скучные люди вдруг совершали героические поступки. Это время облагораживает людей и даёт новый цвет вещам. Теперь в самом захолустном, засиженном мухами городишке есть свои герои, мученики и победы. Раньше дома, деревья, улицы существовали сами по себе, а теперь они взяты с бою, и каждый уличный столб является добычей».

Подобный приём, выводящий на первый план массы и их представителей, очень характерен для писателей 1920-х и начала 1930-х годов. Они своими собственными глазами видели, как люди, которых ещё вчера господствующая идеология считала пассивными, аморфными, неспособными на реальные поступки, проявляют себя с совершенно другой стороны.

Это создаёт яркий контраст в художественной литературе XX века. Стоит только сравнить это с отражёнными в художественных произведениях действиями немалой части «хозяев жизни» — дворян, интеллигентов и буржуа. Последние, мнившие себя высоконравственными и интеллектуально развитыми личностями, способными на подлинные чувства и разумные поступки, видели в

разразившейся буре бунт озлобленной черни. Они даже не понимали подлинную мотивацию масс, потому что привыкли не замечать беды простого народа или, в лучшем случае, глядеть на происходящее глазами не причастного наблюдателя. Поэтому и реакция у них была соответствующая: бежать или забиться в угол ото всех этих невзгод, обрушившихся как снег на голову. К примеру, бывший «попутчик» советской власти Борис Пастернак в своём широко известном произведении «Доктор Живаго» отразил это в полной мере — главный герой и всё его окружение разбегается в разные стороны, по пути совершая отнюдь не героические поступки. Другие же представители класса «хозяев жизни», в основном, военные, опутанные старыми производственными отношениями и ложными формами их осознания, вели на убой тысячи трудящихся, ведь развернувшийся объективный процесс уже нельзя было остановить:

«Белые шли отчаянно и слепо. Бывает, что люди доходят до последнего — последние патроны, последние дни, — когда не о чём ни жалеть, ни думать, и безногая идёт сзади, наступая на каблуки. Люди не боялись уже ничего — ни бога, ни пуль, ни мертвецов. Армия носила мундиры всех цветов, запалённые пылью многих дорог. Здесь были английские френчи и серо-зелёные шинели, с королевским львом на пуговицах, и французские шлемы, и чешские кепи, и русские папахи. Эти люди были отмечены, и погоны на плечах тяготели, как проклятие. С Колчаком они отступали от Уфы до Иркутска, через всю Сибирь, сквозь мороз и тиф, прошли с Семёновым голубые сопки Забайкалья и потешились с Унгерном в раскосой Монголии. Дальше идти было некуда — это был их последний поход. Игра кончалась».

В своём произведении Виктор Кин поднимает не только подобные проблемы. Основное внимание он сосредоточил на морально-бытовых аспектах жизни молодых коммунистов, через которые отражается фундаментальная коллизия, волновавшая умы множества мыслителей на протяжении всего исторического процесса: противоречие между общественным и индивидуальным благом.

Особенно заинтересует и не оставит равнодушными многих читателей следующая сцена. Матвеев и Безайс садятся в вагон к красным партизанам, где первый засыпает, а второй вынужден наблюдать приставания пьяного главы партизанского отряда к девушке, плавно выливающимися в попытку изнасилования. Безайс не может допустить подобного и вытаскивает револьвер. Его бьют по голове и вместе с Матвеевым и девушкой выбрасывают на полном ходу из вагона в снег.

Автор романа не питает иллюзий по поводу партизан. В годы Гражданской войны это были разношёрстные отряды, основу которых составляли тёмные крестьяне. Они редко обладали дисциплинированностью и идеологической подготовкой. Виктор Кин даёт следующий диалог, чтобы читатель понял, с кем будут иметь дело юноши:

«Гремя котелками, они побежали к концу поезда и постучались. Дверь теплушки слегка приоткрылась, бросив полосу света в снежную темноту.

— Вы кто?

— Командированные, — ответил Матвеев.

— Документы есть?

— Есть.

За дверью помолчали.

— А вы не жиды? — крикнул из глубины чей-то весёлый бас.

— Нет.

— Ну, лезьте».

При этом автор показывает, что подобное поведение имеет свои корни не только в прошлом, но и в настоящем. Боевые люди, переполненные жаждой деятельности, вынуждены трястись целыми днями в вагоне, будучи предоставлены сами себе. А что они знают, кроме алкоголя, азарта и насилия? Ничего.

«На нарах азартно играли в карты, около свечи на листе рос банк из медной и серебряной мелочи. В стороне обросший бородой партизан неумелыми руками складывал бумажного голубя. Здесь были собраны всякие люди: молодые, с начёсанными на лоб чубами, и старые, обкуренные дымом бородачи. По теплушке шёл крепкий спиртной дух, все были пьяны, и это объединяло их, молодых и старых, как братьев. Более других был пьян невысокий худой человек с жёлтыми глазами, слонявшийся по вагону из конца в конец. Остальные звали его Майбой. Пепельные мокрые пряди волос падали ему на лоб, расстёгнутая от жары нижняя рубаха обнажала впалую, птичью грудь. Он был одет в оленьи сапоги, мехом наружу, и брюки офицерского сукна, сползавшие от тяжести висевшего на поясе нагана. Вся его невысокая фигура была охвачена жаждой деятельности. Он искал себе занятие, и вагон был тесен для него. Его пальцы сжимались в кулаки, и он шептал что-то невнятное».

Быть может, если бы юноши заняли партизан беседой, попытались поделиться с ними знаниями, рассказать об обстановке на фронте, то попытки изнасилования бы не произошло. Но Матвеев и Безайс не могли этого сделать в силу своей малоопытности, и случилось то, что случилось.

«Он вдруг заметил, что Безайс держит в правой руке револьвер.

— А это зачем? — спросил он с внезапной догадкой. — Ты?..

— Да, — ответил Безайс, бессмысленно улыбаясь. — Я не мог этого видеть.

— Ты стрелял?

— Нет, не успел. Они так двинули меня по голове, что чуть было не отшибли её совсем.

— Из-за этой девчонки?

Безайс спрятал револьвер в карман и виновато опустил глаза.

— Не ругайся, — сказал он просительно. — Это надо было видеть. Кажется, они хотели её изнасиловать.

— „Кажется“? А тебе какое дело?

Матвеев поднялся на четвереньки, дрожа от ярости.

— Идиот! — крикнул он с каким-то воплем. — Романтику разводишь?

Защитник невинности? Вот я тебя убью сейчас!

Безайс почувствовал себя нехорошо. Его мутило.

— Я тебя... сам убью, — пробормотал он, тяжело справляясь с охватившей его слабостью. — Молодая девушка... очень хорошенькая. Ты хочешь, чтобы я спокойно смотрел, как её будут насиловать? Эта каналья Майба потащил её на нары.

— Да ведь тебе партийное дело поручено, дураку. Понимаешь? Ломай себе голову, если ты свободен. А сейчас тебя это не касается, все эти девицы и

благородство».

Матвеев осуждает поступок Безайса и аргументирует свою точку зрения следующим образом:

«Он объяснил Безайсу свою точку зрения. Один человек дешево стоит, и заботиться о каждом в отдельности нельзя. Иначе невозможно было бы воевать и вообще делать что-нибудь. Людей надо считать взводами, ротами и думать не об отдельном человеке, а о массе. И это не только целесообразно, но и справедливо, потому что ты сам подставляешь свой лоб под удар, — если ты не думаешь о себе, то имеешь право не думать о других. Какое тебе дело, что одного застрелили, другого ограбили, а третью изнасиловали? Надо думать о своём классе, а люди найдутся всегда».

Сам же Виктор Кин комментирует это так:

«Но он был настолько молод, что ещё не научился глядеть на людей как на материал, не умел заставлять себя не думать и не видеть, когда это нужно».

Интересно, сам Кин вспоминал эти строки в 1937 году до и после своего ареста? Мы этого никогда не узнаем, но рассуждения Матвеева и комментариев Кина выглядят слегка вульгарно. Да, действительно, коммунист должен понимать, что общественное благо превышает индивидуального, потому что человек рождается и живёт в обществе, но в то же время это самое общество состоит из индивидов. Это противоречие скрывается в самой жизни, на что Маркс указывал

в Коммунистическом манифесте:

«На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

Должен ли коммунист закрывать глаза на подобные вещи и спокойно созерцать творящиеся несправедливости? Проблема, поднятая Кином, отнюдь не проста. Ситуации могут быть намного сложнее. Может оказаться так, что партийный товарищ, который в данный момент играет очень важную роль, совершит отвратительный поступок. Как поступить с ним? Замолчать, положив начало разложению, или наказать, лишив революцию необходимого кадра? Матвеев полагает, что *«люди найдутся всегда»*, но это не так, и об этом говорили многие марксисты, начиная с Маркса, заканчивая Сталиным. Сложная вырисовывается проблема, и пусть читатель решит её сам. Автор же этого обзора ещё *«молодой»* и, как герой уже другого произведения о революции, не может примириться с тем, *«что революционер-коммунист может быть в то же время и похабнейшей скотиной и негодяем»³.*

Второй выбор, который предстоит сделать Матвееву и Безайсу, касается более интимной стороны жизни — любви. Они по сути вчерашние подростки, чья жизнь оторвала от привычных занятий: школы, друзей и, конечно же, первых отношений с девушками. И так как им никто не объяснял, как необходимо вести себя в подобных ситуациях — они делают это стихийно. На них, как и на современных юношей давят социально-культурные установки, которые вынуждают в разговорах между собой врать о победах на личном фронте,

выказывать пренебрежение к женщинам и скрывать свои подлинные чувства. Правда, в душе и в самых откровенных разговорах проявляется та трепетность, с которой они относятся к противоположному полу.

Если Безайс — довольно простоватый молодой человек, то линия Матвеева намного сложнее. Матвеев проникается первой любовью к Лизе, встретив её на студенческом вечере в Чите.

«Его способ ухаживать за женщинами был однообразен и прост. Он пробовал его раньше, и если ничего не удавалось, то он сваливал всё на обстоятельства. Ему казалось, что женщина не может полюбить простого, обыкновенного мужчину. Он считал, что мужчина, для того чтобы нравиться, должен быть хоть немного загадочным. Сам он загадочным не был — он был слишком здоров для этого. Но, ухаживая за девушками, он старался казаться если не загадочным, то по меньшей мере странным. „Нет, — говорил он, — цветы мне не нравятся, — у них глупый вид. Музыка? И музыка мне тоже не нравится“.

Но она сразу смешала ему игру.

— Ты медведь, — сказала она, когда они, взявшись под руку, вышли в коридор. — Вот ты опять наступаешь мне на ногу.

Это она первая назвала его на „ты“».

Лиза предстаёт перед нами «эмансипированной» девушкой, но эта эмансипация произошла в форме подражания мужскому образу жизни, и отнюдь не лучшим его сторонам.

«На другой день вечером он пошёл к ней. В её комнате, где она жила с

двумя подругами, было холодно и неудобно. На полу валялся сор, пахло табачным дымом, со стены строго смотрел старый Маркс. Подоконник был завален бумагой и немытой посудой. Девушки, все три, были одеты одинаково, в тёмные юбки и блузы с карманами, и это сообщало всей комнате нежилой, казарменный вид.

<...>

Мать меня побаивается. О, я с ней не развожу нежностей. Лучше разговаривать с ними прямо. Я ей так и сказала: „Мама, ты меня связываешь по рукам и ногам“.

<...>

Он схватил её за плечи и встряхнул так, что голова её откинулась назад. Она молчала. Тогда он прижал её к себе и несколько раз, не разбирая, поцеловал в лицо и в пушистую беличью шапку.

— Но ты совсем не знаешь меня, — прошептала она.

Он добрался до её шеи, и тёплая кожа мягко поддавалась его губам.

— Чепуха, — сказал он взволнованно. — Мы ещё увидим хорошее время.

Это почему пуговица тут?

— Ты знаешь — я не девушка, — сказала она ещё тише.

— Мне это всё равно, — ответил он».

Виктор Кин рисует перед нами все противоречия ускоренной эмансипации в первые годы пролетарского государства. Здесь и вульгарное понимание равенства, как отсутствия различий, и подавление патриархальной власти в крайне жёстких формах, и сохранившиеся культурные пережитки, тайно носимые за душой. Но даже в подобной форме это существенный прогресс для того времени, ведь женщины стали ощущать себя наравне с мужчинами

субъектом исторического процесса, поэтому Матвеев и влюбляется в Лизу, в активную и открытую девушку.

Согласно тем культурным тенденциям, которые существовали в 1920-е годы, Матвеев и Лиза понимали отношения между мужчиной и женщиной, как «партнёрство», что есть по своей сути чисто буржуазная идея. В таких отношениях нет ответственности перед «партнёром», потому что эти отношения мимолётны и заключаются ради удовлетворения потребностей, как материальных, так и духовных. Они договариваются, что как только начнут «мешать» друг другу — разойдутся, прикрывая это рассуждениями об общественном благе и долге перед партией. И автор не просто так использует слово «мешать» (ведь мог бы написать: «перестанем любить»), а чтобы обозначить будущие события.

«Она не испугалась и не рассердилась, в её глазах дрожали любопытство и смех.

— Ты будешь говорить, что ты меня любишь?

— Да, — ответил он. — Я тебя очень люблю — больше всего. Ты мне важнее всего на свете...

Но он всегда был немного педантом.

— Кроме партии, — добавил он добросовестно.

— Я не верю этому. Так никогда не бывает. Нельзя влюбляться с первого взгляда, а если можно, то этого надо избегать. Самое важное в жизни — это сначала работа, потом еда, потом отдых и, наконец, любовь. Без первых трёх вещей жить нельзя, а без твоих поцелуев я могла бы обойтись.

— А я не мог бы».

В диалоге прослеживается некоторая противоположность между взглядами Лизы и Матвеева. Первая стихийно придерживается вульгарно-материалистического взгляда на индивида как биологическое существо, переплетающегося в отдельных положениях с марксистской мыслью. Метафизический материализм, возникший на заре капитализма, позволял буржуа обосновывать и утверждать свое частнобуржуазное право на средства производства. В революционные же годы подобное понимание стало отражением материальной и духовной нищеты масс. Будучи отсталой аграрной страной, Россия начала XX века была населена преимущественно крестьянами, то есть в ней господствовала мелкобуржуазная стихия. Даже заводские рабочие зачастую сохраняли довольно тесные связи с деревней. Эта мелкобуржуазность в стремительном революционном порыве создала крайне левый уклон в противовес патриархальным традициям, однако она не вышла за рамки капиталистической логики, а просто-напросто совершила первое отрицание без возможности произвести второе, то есть отбросила как негативные стороны старого, так и позитивные. Маркс же, наблюдая за более развитым обществом, чем его коллеги — французские материалисты, включил в своё учение, как фундамент, метафизический материализм и добавил нечто новое: сущность человека *«есть совокупность всех общественных отношений»⁴*, возникающих между людьми в процессе производственной деятельности. Матвеев посредством чувств нащупывает эту мысль, стихийно встаёт на позицию классиков марксизма, утверждающих, что человек это не просто биологическое существо, а социальное. При этом само общество разделяется на две противоположности. Надстроечные явления, возникающие над базисными отношениями, определяются последними, однако это не значит, что они сводятся к ним и не оказывают обратного воздействия. Долг перед обществом и

любовь вызывают сильнейшие чувства у множества людей и заставляют действовать не хуже, чем угроза голодной смерти.

У любви Матвеева к Лизе есть и другая параллель — незамеченные чувства Вари. Варя — это та девушка, которую спас от изнасилования Безайс. Последний пытался понравиться Варе, но у него ничего не получилось, потому что Варя влюбилась в Матвеева. Она выросла в семье рабочего, который, как и отец Кина, работал на довольно престижной должности — механиком на пароходе. Семья жила относительно зажиточно, а сама Варя росла хорошей и умной девушкой с пассивным отношением к жизни. Это, конечно, не нравилось Матвееву, который считал ее глупой «мещаночкой», но, как говорится, друзья познаются в беде.

Глупая «мещаночка» и её семья принимают в свой дом двух молодых коммунистов, скрывающихся от занявших Хабаровск белых. Они же выхаживают раненого Матвеева, которому ниже колена ампутировали ногу. Они восхищаются этими героями и позволяют провести у себя собрание подпольщиков. Она и её семья не принимают активного участия в революции, но они содействуют ей. Варя, в свою очередь, не останавливается на любви к Матвееву, она пытается «полюбить», а вернее, узнать, какие идеи стоят за ним, пускай это и происходит в грубых и неорганичных формах:

«— Нет, это я только так. А я действительно хотела спросить тебя об одной вещи. Я думала об этом весь день: когда будет мировая революция?»

— В среду, — ответил он сердито.

За последнее время в ней появилась черта, которая его бесконечно раздражала. Она старалась говорить об умных вещах: о партии, о

цивилизации, о древней Греции. Это было беспомощно и смешно.

— Не старайся казаться умней, чем ты есть на самом деле, — сказал он, помолчав. — Это режет ухо. У тебя нет чувства меры, и ты слишком уже напиралась на разные умные вещи. Держи их про себя».

В свою очередь, «эмансипированная» Лиза, узнав о том, что Матвееву ампутировали ногу, долго не решается прийти к нему, потому что сделала выбор в пользу идеологии, которую исповедовала:

«— Давай говорить об этом спокойно, — продолжала она. — Если я не буду счастлива с тобой, то ведь и ты будешь чувствовать это. Не надо никаких жертв.

<...>

Он глубоко вобрал воздух в лёгкие. Так бросаются в воду с большой высоты. Жизнь встала перед ним — Жизнь с большой буквы, и он собрал все силы, чтобы прямо взглянуть в её пустые глаза. Двадцать лет ходил он здоровый и никому не уступал дороги. А теперь ему оттяпало ногу, и надо потесниться. Ну что ж.

— Я не маленький, — сказал он слегка охрипшим голосом, — и знаю, почему мальчишки любят девочек.

Она взяла его руку и прижала к щеке.

— Постарайся понять меня, милый. Мне так больно и так жаль тебя.

У него было только одно желание — выдержать до конца, не сдать, не распуститься. Это было маленькое, совсем крошечное утешение, но, кроме него, ничего другого не было. Что-то вроде папиросы, которую люди курят перед тем, как упасть в яму. Он тоже падал, но изо всех сил старался

удержаться. Это был его последний ход, и он хотел сделать его как следует.

— Ты слишком много придаёшь этому значения, — сказал он почти спокойно.

— Правда? — спросила она с облегчением.

— Ведь не помру же я от этого.

— Я думала, что лучше сказать всё прямо.

— Конечно, ты отлично сделала.

— Но ты всё-таки будешь мучиться?

Карты были сданы, и надо было играть.

— Не буду, — сказал он, сам удивляясь своим словам. — Конечно, жалко, что эта интрижка не удалась, но что делать? Не беспокойся за меня.

<...>

— Это неправда, — воскликнула она, волнуясь. — Неправда, слышишь? Ты любил меня всё время. Ну, скажи, любил?

В нём горячо забились кровь. Какой вздор, — конечно, любил и больше всего — в эту именно минуту.

— Немножко, — сказал он из последних сил.

— Матвеев, неправда!

— Я просто забавлялся. В Чите нечего было делать.

— Ты сейчас это придумал?

— Ну как хочешь.

Он с удивлением заметил, что у неё выступили слёзы.

— Как это гадко, — сказала она порывисто. — Значит, ты смотрел на меня как на вещь, на пустяк? Ты шутил со мной? А я так волновалась, когда шла к тебе!

<...>

Он сказал, точно спуская курок:

— Всё кончено.

<...>

Он погладил свою изуродованную ногу, оглядел костыли и вздохнул.

Смешно подумать, он как будто не замечал этого раньше. Это надо было предвидеть, — ведь странно, чтобы молодая хорошенькая девушка вышла за него замуж, когда на свете столько ребят с крепкими руками и ногами... Теперь его место в обозе, — и она указала ему на это».

Стоит сразу отметить, что Лиза предельно честна с Матвеевым, что согласуется с пролетарской моралью: горькая правда лучше, чем сладкая ложь. Но весь разговор выдает её уязвлённое самолюбие: «*Но ты всё-таки будешь мучиться?»*, «*Ты любил меня всё время*». Она, с одной стороны, разрушает стереотипы о внешнем виде и поведении женщин, а с другой стороны, исповедует мещанскую эгоистичную идеологию, где отношения понимаются, прежде всего, как способ удовлетворить потребности. Естественно, её фокус внимания сосредоточен на самой себе, а личность Матвеева не имеет значения, он для неё — «вещь», «пустяк», от которого можно избавиться, если начнёт «мешать».

Матвеев же больше всего боится показаться слабым, ведь для него «*быть большевиком — это значит прежде всего не быть бабой*», где под «бабой» понимается не только слабохарактерный человек, но и открытый, который не стыдится своих чувств, не боится показать их миру. Поэтому он скрывает свои записи в дневнике, боится проявлять чувства по отношению к Лизе на встречах в Чите и ужасается от мысли, что можно дать понять о любви к ней в момент

расставания. Всё, чтобы не проиграть в этой «игре». Действительно, «смешная и глупая судьба».

Первая любовь Матвеева стала для него последней. С Лизой он, можно сказать, подписал договор, где чётко и ясно были прописаны условия их взаимоотношений, и, как только он перестал соответствовать им, его, пускай и с жалостью, но отправили в «обоз». Ослеплённый ложной формой эмансипации Елизаветы, Матвеев не смог разглядеть чувств Вари, сделавшей много для него в трудные минуты, потому что она виделась ему «мещанкой» (но кто же знает, что из неё получилось бы, будь он с ней рядом). Характерная деталь: в книге не упоминается о деятельности Лизы в подполье, и это наводит на мысль о том, что она выбрала индивидуальное благо, а не общественное. И ещё вопрос, который может встать перед читателем: «А смог бы Матвеев поступить в похожей ситуации так же, как Лиза?» Я полагаю, что вряд ли.

Матвеев получает от судьбы удар за ударом: ампутация ноги, расставание с любимой, потом ещё и партия отказывается от его помощи в поднятии восстания. У партии свои боевые задачи, которые необходимо выполнять быстро, чётко и слаженно. Поэтому она не может рисковать и без того малыми людскими ресурсами, разбавляя их членами, неспособными работать на должном уровне.

«— Слушайте, паренёк, — начал Никола. — Вы коммунист. И вот у вас есть дело, которое вам поручено и которое надо во что бы то ни стало сделать. Партийное дело, понимаете? Да, кроме того, ещё и опасное. Вы будете из всех сил стараться, чтобы выполнить его как можно лучше. Так? И вот

приходит человек, который говорит: возьмите меня с собой. Возьмёте вы его, если он будет вам мешать? Понимаете — мешать? Нет, не возьмёте, будь он хоть ваш родной брат. У работы свои права, и она этого не признаёт. То-то и оно. Если б это было моё дело, то я б вас взял. Но это дело партийное. Поэтому я вас не беру. Не потому, что я не имею права или боюсь, что вас убьют, — а потому, что вы будете мешать нам всем».

Это уже другая конкретная ситуация, отличающаяся от связи Лизы и Матвеева, где бегство от обязательств подменялось высокопарными речами о свободе отношений. Здесь коллективная ответственность за дело революции и за жизнь каждого участника. Матвеев понимает, что его товарищ прав, и он не может больше принимать активного участия, но понимание не помогает ему преодолеть отчаяние, охватившее его. Ему кажется, что жизнь его более не имеет смысла, что он, шедший когда-то в первых рядах революции, теперь в «обозе» и обречён влачить жалкое существование. Как и многие молодые люди, неподготовленные морально к ситуациям, когда старая жизнь в миг обрывается, он думает о самоубийстве:

«Но была, очевидно, какая-то годами выроставшая сила, которой он не знал до этого дня. На полу, в лунном квадрате, он увидел свою тень с револьвером у головы и тотчас же вспомнил избитые фразы о трусости, о театральности, о нехорошем кокетстве со смертью, — и ему показался смешным этот банальный жест самоубийц. Такая смерть была бесконечно опошлена в „дневниках происшествий“, в праздной болтовне за чайными столами всего мира — да и сам он всегда считал самоубийц самыми худшими из покойников. Несколько минут он сидел, глядя на свою тень и

нерешительно царапая подбородок, а потом осторожно, придерживая пальцем, спустил курок. В конце концов у человека всегда найдётся время прострелить себе голову.

— Представление откладывается, — прошептал он, накрываясь одеялом».

Да, именно «откладывается». Он попытается написать повесть, но это ему не удаётся, потому что литературное дело, как и любое другое, требует кропотливой работы, и с наскока, к которому он привык, его не возьмёшь. Напоследок Матвеев придаётся воспоминаниям о былом, когда он сам относился с жалостью к людям, оказавшимся в подобной ситуации, или же вовсе не замечал «потери бойца».

В конце концов, Матвеев принимает решение пойти расклеивать листовки в занятом белыми Хабаровске. Вначале всё идёт как по маслу, но через некоторое время его замечает отряд белых и после короткой погони загоняет в угол. Он с неистовством человека, которому нечего терять, отбивается от них, раскидывая стальными ударами пытающихся скрутить его солдат. Но их больше и они вооружены:

«Отчаянным усилием он сбросил с себя вцепившегося в горло солдата, и тут вдруг небо и земля лопнули в оглушительном грохоте. На мгновение кровь остановилась в нём, а потом метнулась горячей волной. Луна кривым зигзагом падала с неба, и снег стал горячим. Близко, около самых глаз, он увидел чей-то сапог, массивный и тяжёлый, как утюг.

<...>

— Здоровый... дьявол, — донеслось до него. — Помучились с ним...

Это наполнило его безумной гордостью. Оно немного опоздало, его признание, но всё-таки пришло наконец. Теперь он получил всё, что ему причиталось. Снова он стоял в строю и смотрел на людей как равный и шёл вместе со всеми напролом, через жизнь и смерть. Клонясь к земле, на снег, под невыносимой тяжестью роняя силы, он улыбнулся разбитыми губами.

<...>

— Ну... я... не так уж плох, — прошептал он, точно отвечая на чей-то, когда-то заданный вопрос.

Это было его последнее тщеславие».

Не сумев сам спустить курок, Матвеев делает это чужими руками, оставляя за собой право, подобно настоящему воину, погибнуть в бою. Действительно тщеславный поступок. Момент смерти Матвеева перекликается со множеством диалогов, прозвучавших в книге, но более всего он связан с мыслями Безайса:

«Тысячи людей готовили революцию, работали для неё как бешеные, надеялись — и умерли, ничего не дождавшись. Всё это досталось им — Безайсу, Матвееву и другим, которые родились вовремя. Всю чёрную работу сделали до них, а они снимают сливки с целого столетия. Их время — самое блестящее, самое благородное время».

Матвеев и Безайс вступили в революцию совсем молодыми и неопытными. Они не привыкли, как их более старшие товарищи, к «чёрной работе»: написанию статей и книг, которые читают единицы, организации кружков и профсоюзов, разваливающихся или разбиваемых после нескольких месяцев существования, отбыванию наказаний вдали от цивилизации, где одиночество съедает живьём.

Первые большевики свыклись с поражениями, которые шли за победами, и всегда были готовы вернуться к монотонной, рутинной работе в подполье, плоды которой едва можно заметить, если не смотреть на картину в целом. Они так же, как Матвеев, могли променять всё это на тщеславную, но пустую смерть, присоединившись к террористам-народникам, но не делали этого, потому что общественное благо они ставили выше индивидуального.

Матвеев, Безайс, Лиза и Варя — это типичные представители юношей и девушек, участвовавших в революции. Кому-то из них повезло, принимая активное участие в установлении диктатуры пролетариата, они сумели дожить до начала строительства социализма. Кто-то воспринял революцию как возможность освободиться от отношений, сковывающих жизнь. Другие пассивно наблюдали со стороны, изредка погружаясь в круговорот событий. Но среди них оказалось немало тех, кто сложил свои головы, как Матвеев. Матвеев родился, вырос и умер в революционное время, найдя смысл жизни в классовой борьбе и освобождении трудящихся. Он не был готов к столь резкому переходу от «активности» к «бездействию». Не было ещё условий, чтобы с подобным недугом он мог себя почувствовать полноценным членом общества. Товарищи не смогли оказать ему поддержку, потому что им было попросту некогда оглядываться назад, их взор был всецело устремлён вперед.

Матвеев, как и десятки тысяч других молодых людей, сгорел в пожаре революции. И книга Виктора Кина является достойным памятником «детям» Октября. Мы, их потомки, должны стереть всю пыль и грязь с забытых и оболганных имен, понять, кем они являлись на самом деле, и усвоить уроки прошлого, которое вновь становится будущим.

ОТ АВТОРА

Lenin Crew, несмотря на высказывания отдельных представителей левого движения и возмущения некоторых наших читателей, не перестанет призывать к организации марксистских кружков. Мы осознаём, что коммунистическому движению сейчас более всего необходимы теоретики, пропагандисты и агитаторы, которые смогут развивать марксизм, исходя из новых исторических тенденций, и доносить это до масс в доступной для них форме. Мы не хотим подходить к революционной ситуации безоружными и надеяться на стихийное творчество масс, практически всегда ограниченное сиюминутными интересами. Каждый читатель должен осознать, что существует не только объективный фактор, но и субъективный, как оказывающий обратное воздействие в форме регулирования.

Позволим себе напомнить, что кружок — это группа единомышленников, и он только на первоначальном этапе имеет «самообразовательный» характер. В дальнейшем, с развитием классовой борьбы, кружок должен вырасти в местную организацию пролетариата. Просветительская работа, которая многим кажется однообразной, скучной и пустой, на самом деле имеет важную роль, сравнимую с заложением фундамента. Чем большее количество людей будет осознавать происходящее вокруг них, и чем качественнее они будут это делать, тем больше шансов у новой революции избежать ошибок прошлого. Поэтому Lenin Crew раз за разом призывает к организации кружковой работы и освоению теории марксизма.

От себя же хочу добавить, что важно не только научно-теоретическое познание действительности в форме абстрактного знания, но и художественное.

Художественная литература в противоположность научной на конкретных примерах, облачённых в образы, объясняет закономерности общественной жизни. Она предоставляет читателю возможность пережить различные ситуации и вынести из них опыт, который может пригодиться в будущем. Литература — это не только развлечение и способ воздействовать на эмоциональное состояние читателя, это ещё и инструмент познания объективной реальности, — а значит, и её изменения.

Данная серия литературных обзоров ставит перед собой цель не только отвлечённого ознакомления с художественными произведениями прошлого, но предпринимает попытку внести в умы читателей понимание, что революция, как и любой процесс, довольно противоречива. Революционное время — это не только великие достижения, открывающие новые возможности для человечества, это также пот, кровь и сложнейшие проблемы, которые необходимо решить. Эти проблемы могут быть различного порядка: экономические, политические, философские, эстетические, нравственные... И мы должны быть готовы к их возникновению и уже сейчас намечать пути их решения, используя опыт прошлого.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Маркс К. [Капитал \(Том II\)](#) / Сочинения. М., 1960. Т. 23. С. 90. ↩
2. Маркс К. [Манифест Коммунистической партии](#) / Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 447.
↩
3. Островский Н. А. [Как закалялась сталь](#) / Сочинения. Киев, 1954. С. 191. ↩
4. Маркс К. [Тезисы о Фейербахе](#) / Сочинения. М., 1955. Т. 3. С. 3. ↩